

УДК 821.161.1

КОНЦЕПТ *ВОСТОК* В ТВОРЧЕСТВЕ ДИНЫ РУБИНОЙ*Д.Д. Зиятдинова***Аннотация**

Статья посвящена анализу концепта *Восток*, формируемого в построссийской прозе Дины Рубиной, в контексте проблемы конструирования репрезентативного образа Израиля. Получая в творчестве писательницы вариативную реализацию, концепт *Восток* распадается на два микроконцепта: арабский Восток и еврейский Восток. Сферой репрезентации «чужого» Востока становится ориенталистский дискурс, тогда как «свой» Восток формируется в первую очередь через дискурс повседневности.

Ключевые слова: Дина Рубина, Запад, Восток, репрезентативный образ Израиля, Свой, Чужой.

Реализация национального дискурса предполагает, как правило, наличие у страны сложившегося репрезентативного образа, раскрывающего в первую очередь его принадлежность к западному или восточному миру. Однако в ряде случаев однозначная атрибуция представляется затруднительной. Примером последнего может служить Израиль: если в его политическом дискурсе оказывается востребована западная модель, то в рамках его культурного нарратива возможны формирование и трансляция восточной модели, что мотивировано значимостью этой составляющей для израильского общества.

Несмотря на самопозиционирование Израиля как форпоста западного мира в борьбе с исламским терроризмом¹ (сами израильтяне определяют Израиль как «современное государство западного типа – демократическое европеизированное общество», взявшее в качестве образца «английскую и американскую государственные системы, скорректированные с учётом израильских особенностей» [2]), включение его в западный блок имеет дискуссионный характер².

¹ Показательно в данном отношении единство мнений различных реципиентов: поэта Игоря Губермана: «...Они [евреи] – форпост цивилизации на Востоке. <...> Если не будет этого крошечного израильского форпоста – и весь этот участок земли достанется такому опасному мракобесию, такой агрессии, такой непримиримой злобе, что равновесие-то, пожалуй, и затрещит» (2007); израильского политика Михаила Нудельмана: «Он [Израиль] – всего лишь форпост западной цивилизации, своего рода осаждённая крепость, которая борется с окружающим его исламом» (2009); министра иностранных дел Израиля Авигдора Либермана: «Мы – передовые отряды Запада, форпост свободного мира в борьбе с террором» (2009) [1].

² Одна из попыток атрибуции Израиля предпринимается Михаилом Каценельсоном в «Прогулках по Иерусалиму»: «Желающие узнать о Государстве Израиль подробнее часто спрашивают: “Израиль – это Запад или Восток?”, подразумевая под Западом – евро-американский, а под Востоком – афро-азиатский образ жизни и характер деловой деятельности» [2]. Пытаясь ответить на этот непростой вопрос, писатель сталкивается с дилеммой: одни показатели свидетельствуют о восточной природе Израиля, другие столь же доказательно – о западной. Так, географически, частично этнографически и культурно «это, конечно, Восток» [2]. Однако столь же важна для Израиля и «западная» составляющая, обнаруживающая себя как в культурном дискурсе, так и в дискурсе повседневности.

Это мотивировано не только географическим положением и высоким процентом арабского населения, но и «восточностью» самого еврейского мира Израила (сефарды), а также своеобразием его государственного устройства (см., например, [3]). О незападности последнего свидетельствует ряд фактов. Во-первых, активно «участие в политических делах религиозных партий и движений», нехарактерное для «западной либеральной демократии с её полным отделением религии от государства» [2]. Во-вторых, отсутствует конституция, заменяемая в настоящее время «совокупностью так называемых “основных законов”, принятых Кнессетом в качестве составных частей будущей конституции» [2]. В-третьих, оригинальна официальная доктрина Израила, согласно которой «израильское государство является одновременно “еврейским и демократическим”, что не может не быть предметом серьезной полемики в среде израильской политической и академической элиты» [3, с. 12]³. В целом в сфере культурно-политических репрезентаций Израиль представляет собой государство гибридного типа, где относительно органично взаимодействуют восточная и западная составляющие. Вследствие этого он оказывается в пограничной зоне, обуславливающей вариативность его репрезентативного образа, что находит отражение в культурном нарративе.

В построссийской прозе⁴ Дины Рубиной сохраняется двойственность статуса израильского мира: если относительно арабского мира Израиль воспринимается ею как Запад, противостоящий варварскому Востоку, то в отношении Запада она акцентирует восточную природу Израила. При этом концепт *Восток* в её творчестве оказывается двусоставен и включает в себя два микроконцепта: «чужой»⁵ Восток (арабский мир) и «свой» Восток (еврейский мир). Сферой

Восточность активно поддерживается арабским сектором Израила и проявляет себя в арабских театрах, в восточных ресторанах, на выставках искусств, в многочисленных восточных ярмарках, базарах. Кроме того, восточная составляющая реализуется и самим еврейским миром: «Немалая группа граждан Израила, входящая в религиозную ультраортодоксальную общину, пропагандирует свою приверженность Востоку, ведь вся история еврейского народа связана с Востоком» [2].

Завершая рассуждения о западности/восточности страны, Михаил Каценельсон приводит обширный список вариантов атрибуции Израила: «африканский запад», «клочок европейской цивилизации на краю гигантского афро-азиатского разлома», «“уголок Европы” на Ближнем Востоке» [2]. Итог же, подводимый им, представляет собой своеобразный компромисс, заключающийся в попытке примирить, интегрировать две противоположные позиции и утвердить уникальность Израила: «Видимо, всё-таки Израиль – это европеизированное государство на земле Востока, европеизированный Восток. А может быть, иначе – форма государства западная, а содержание во многом восточное. А ещё точнее, это не Запад и не Восток. Это – Израиль!» [2].

³ Как отмечает Б.А. Кавасми в своей статье «Особенности государственного устройства и политико-правовой системы в Израиле и Палестинской автономии», «среди израильских юристов и политологов не утихают дискуссии относительно того, насколько правомерно данное определение. Часть израильских юристов считает, что этот термин не содержит противоречий, и оба элемента, еврейский и демократический... находятся в полной гармонии» [3, с. 15]. Наиболее открыто это реализуется в статье С. Озик «Постсионизм и проблема выживания», где Израиль позиционируется как «государство всех своих граждан» и автор выступает за сохранение Израилем «своего еврейского национального характера» [4]. Другие же считают, что «нельзя идентифицировать это государство как “еврейское и демократическое”, пока существуют Галаха и раввинатские суды, так как в этом случае понятие правового государства абсолютно несовместимо с концепцией галахическо-теократического государства» [3, с. 15]. В частности, израильский философ Агасси Йосеф настаивает на отделении в Израиле религии от государства и элиминировании этнической и религиозной составляющих [5].

⁴ Говоря о построссийской прозе Дины Рубиной, мы подразумеваем комплекс произведений, написанных после 1990 года.

⁵ Восприятие Диной Рубиной арабского мира через архаическую модель Чужого противоречит доминирующему в современном обществе принципу политкорректности и толерантности, а обращение к негативному (Восток не как экзотический Другой, а как враждебный Чужой) варианту ориенталистского дискурса лишь усиливает это противоречие. Объяснением этого «отступления от правил» может служить сложный и конфликтный характер арабо-израильских отношений, обуславливающий тенденцию «отчуждения» арабско-иудейского компонента, воспринимаемого прежде всего через призму нации-соперника [6, с. 41] и врага.

репрезентации «чужого» Востока выступает ориенталистский дискурс, тогда как «свой» Восток формируется в первую очередь через дискурс повседневности.

Выстраивая репрезентативный образ Израиля через его контрастное соотнесение с европейским/западным Иным, кумулятивным воплощением которого служит концептосфера *Европа*, писательница стремится осознать себя как Другого по отношению к западному миру: «мы... – народ *восточный*» (курсив наш. – Д.З.) (В.И.М., с. 15), что определяет, в свою очередь, специфику пространственной организации «своего» Востока. Ключевым моментом при этом становится освобождение Израиля от европоцентричной призмы восприятия, имеющей тенденцию минимизировать пространство страны до отдельных конфессионально значимых локусов (Вифлеем, Назарет, Иерусалим / Храм Рождества Христова, Храм Гроба Господня и т. д.). Так, для израильской прозы Дины Рубиной не характерно обращение к каким-либо культовым сооружениям, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности (храм, синагога и др.). Упоминаемые в произведениях, они скорее служат антуражем, фоном, а не рецептивной доминантой, не играя значимой роли в конструировании израильского текста и «своего» Востока⁶.

В контексте творчества Дины Рубиной возникает необходимость дифференциации арабского и «своего» Востока, реализуемая через дихотомию *антидом – дом*. В силу этого родственным «своему» Востоку выступает не арабский мир, утративший непосредственность «домашности» и семейственности, а мавританская «восточная» Испания, которая сохранила её и до сих пор активно реализует, вступая в конфликт с вежливо-отстранённой Европой: «А шведы... да с непривычки торопеешь: обязательное приветствие встречному, но если сигарету стрельнул – изволь выдать монетку в компенсацию. Что-то не стыкуется. Хотя в этой отстранённости есть и своё обаяние. <...> Нет уж, мне по сердцу наши испанские нравы. Скажешь человеку просто, от души: “ми альма”, “нинья”... и к тебе – соответственно отношение» (Б.Г.К., с. 107–108). Свидетельством окончательного отождествления Израиля и Испании/Мавритании служит их полная номинативная тождественность в «Белой голубке Кордовы», когда Мавритания становится обозначением Израиля, а переезд из Израиля в Испанию определяется как перелёт «из одной Мавритании в другую» (Б.Г.К., с. 90).

«Домашность» как семантическая доминанта «своего» Востока реабилитирует, в свою очередь, восточную модель поведения, характеризуемую в прозе Дины Рубиной такими чертами, как фамильярность, игнорирование дресс-кода, «дикие» для западного сознания поступки, нарушающие правила приличия, частое акцентирование обнажённого тела (Б.Г.К., с. 16, 424), привычка израильских водителей «отливать на природе» (Б.Г.К., с. 424). Негативные составляющие

О значимости социополитического контекста для формирования репрезентативного образа арабского мира свидетельствует обращение Дины Рубиной к проблеме истинного хозяина страны. Претендентами на обладание Израилем становятся евреи (истинные хозяева), арабы (захватчики) и бедуины (загадочные, но неопасные соседи, воспринимаемые скорее через призму Другого и подвергаемые своеобразной экзотизации) (В.И.М., с. 79; ВС, с. 508).

⁶ Так, достаточно развёрнутое описание духовного аспекта Храма Гроба Господня возникает лишь во втором томе «Русской канарейки»: «Знаешь, в первую ночь я полчаса сидела одна в Кувуклии... Это было так странно! Мне чудилось: какие-то голоса пробиваются *ко мне, именно ко мне* (курсив автора. – Д.З.) – сквозь мою глухоту, будто она – частичка молчания вечности» (Р.К., с. 383). Восприятие Храма как места диалога человека с Богом сближает его с описанием испанской Мескиты.

данной модели реабилитируются их переводом в регистр восточной «домашности». Завершением перехода от их отрицания к приятию становится предпочтение изначально чуждой восточной поведенческой модели западной, как это происходит с эмигрировавшим в Израиль Захаром Кордовиным (Б.Г.К., с. 423–424).

Семантические доминанты «своего» Востока остаются неизменными в раннем и позднем творчестве⁷ Дины Рубиной, сводясь к «домашности» и витальности⁸. Изменяется план восприятия: если для ранней построссийской прозы писательницы была значимой рецепция Израиля через образ израильской земли (показательным в данном отношении является монолог Михаэля в романе «Вот идёт Мессия!»), обращение к которому могло быть попыткой перенесения российской культурной памяти («русская земля», «мать сыра земля»), то в позднем творчестве на первый план выходит интериоризация, восприятие Израиля через призму ментального образа Востока. Процесс интериоризации репрезентативных образов затрагивает также живописный код, служащий одной из форм художественной репрезентации концепта *Восток* в романе «Белая голубка Кордовы». Так, если в травелоге «Воскресная месса в Толедо» (2001) описание картин Эль Греко имело внешний характер («странные люди с вытянутыми лицами и острыми ушами, с нечеловечески длинными паучьими пальцами» (В.М.Т., с. 473–474)), то в «Белой голубке Кордовы» (2009) описание картины становится одновременно попыткой постижения мышления «иконописца или... художника в гетто» (Б.Г.К., с. 125), проецирующего особый восточный «вертикальный» тип пространственной организации: восприятие «пространства не в глубину, а сверху вниз...» [7, с. 62].

Основными формами художественной репрезентации «своего» Востока в творчестве писательницы выступают живописный (Эль Греко) и архитектурный (восточный «молельный дом» / Мескита, восточный город / Иерусалим⁹, восточный дом / вилла Захара Кордовина в романе «Белая голубка Кордовы», израильский дом Магды в «Русской канарейке») коды. Кумулятивным выражением семантики восточного пространства в прозе Дины Рубиной выступают живописный код Эль Греко и архитектурный код Мескиты (тогда как «квинт-эссенцией» западной пространственной модели становятся «Менины» Веласкеса (Б.Г.К., с. 125) и многочисленные католические соборы), демонстрирующие соответственно специфику восточной «вертикальной» пространственной организации и её имманентную сакральность, заключающуюся в «безмолвном разговоре с вечностью» (Б.Г.К., с. 480). Свойственная восточному типу пространственной организации вертикальная доминанта (мотивирующая диалог

⁷ Необходимость вычленения двух этапов в творчестве Дины Рубиной обуславливается значительной трансформацией художественной системы писательницы, произошедшей после её репатриации в Израиль.

⁸ Одной из примет «своего» Востока становится также высокий порог его толерантности, проявляющийся в гибкости и особой доброжелательности восточного сознания, готовности принять то, что выходит за грань разумного, отличающей его как от Запада, так и от арабского Востока. Показательным в данном отношении является история Анны, героини «Почерка Леонардо». Первыми, кого не пугает провиденциальный дар девочки, становятся члены большой еврейской семьи, возглавляемой Фиравельной. Она – одна из немногих, кто не боится Анны и избегает демонизации её дара (П.Л., с. 115, 116), тогда как даже приёмные родители не могут принять сверхчеловеческие способности Нюты, безуспешно пытаясь отыскать им рациональное объяснение (П.Л., с. 75). В целом же «люди воздуха» Дины Рубиной с их иррациональными способностями принадлежат скорее столь же иррациональному восточному миру, нежели рациональному западному.

⁹ Одним из вариантов восточного города может выступать старый Ташкент («На солнечной стороне улицы»), реализующий семантику «домашности».

с Богом), интериоризуясь, становится маркером восточного сознания (наиболее открыто данный диалог реализуется через образы «людей воздуха» в одноимённой трилогии).

В целом, формируя пространственный план «своего» Востока, Дина Рубина часто прибегает к интериоризации, как это происходит при описании дома Захара Кордовина. Абсолютно герметичная, закрытая от постороннего наблюдателя (своеобразным символическим выражением этого становится многоступенчатая система старинных причудливых арабских замков и запоров), внешне обманчиво непритязательная («то ли сарай, то ли амбар» (Б.Г.К., с. 45)), подобно «деревянной и ветхой на вид, выкрашенной халтурной рукою» (Б.Г.К., с. 45) калитке, на самом деле «цельнометаллической... виртуозно раскрашенной... под деревянную, со змеистыми трещинами по доскам и глазками от спиленных сучьев» (Б.Г.К., с. 60), вилла Захара наиболее последовательно реализует модель восточного дома, «странное для европейского глаза, но здесь [в Израиле] привычное пространство» (Б.Г.К., с. 47), и в то же время позволяет глубже раскрыть психологию самого героя, столь же герметичного, обманчивого, живущего двойной жизнью.

Дом Магды, как и вилла Захара Кордовина, реализует собой хронотоп восточного дома и предполагает актуализацию иных семантических доминант. Если для виллы Захара значимой была семантика герметичности, то в отношении дома Магды на первый план выходит эль-грековская составляющая, предполагающая обращение к вертикальной доминанте: дом Магды – это Толедо и Иерусалим «Белой голубки Кордовы» в миниатюре: «...Неудобный, чуть ли не вертикальный участок горы, поросшей соснами, тамариском и корявыми оливами, с развалинами старого арабского дома. <...> Своё гнездо Магда вылепила на двух длинных – вдоль склона – горных террасах...» (Р.К., с. 137–138). Приспосабливаясь к естественному природному ландшафту, восточный дом не преобразует его, что характерно для западного дома, а сохраняет и органично включает «дикое» в «своё»: «Леон... часто оставался у Калдманов ночевать в забавной келье... И попасть в неё тоже можно было только из кухни, откуда три узкие ступени вели к низкому... проёму в натуральную скалу, оставленную Магдой в её первозданном виде: широкие сланцевые щёки пористого известняка со склеротичными лиловыми прожилками. Эта естественная пещерка была обнаружена в процессе строительства и довыдолблена в глубь скалы “на всякий случай”...» (Р.К., с. 140). Столь же органичным выступает сочетание прошлого и настоящего: «От развалин Магда сохранила несколько старых мощных стен, фрагменты пола, мощённого винно-красной плиткой, три каменные арки и... висевший на честном слове и лоскуте синего иерусалимского неба каменный купол. Подперев его двумя круглыми колоннами, она прорубила в нём два окна, впуская солнце днём и звёздную россыпь ночью» (Р.К., с. 137).

Формируя концепт *Восток* как призму восприятия Израиля, Дина Рубина характеризует его как герметичное, самодостаточное пространство, «большее» внутри, чем «снаружи»¹⁰, дающее собственную упорядоченность, не доступную,

¹⁰ Несовпадение внешнего и внутреннего, формы и содержания наиболее ярко раскрывается при описании лавки Халиля и Мескиты в романе «Белая голубка Кордовы». Внешняя невзрачность лавки («лавочка-то с гулькин нос: спускаешься по узкой боковой щели рынка и внимательно двери считаешь – не пропустить бы.

чуждую западному сознанию. Самобытность, исключительность восточного типа пространственной организации раскрывается писательницей на нескольких уровнях – духовном и материальном – через контрастное соотнесение восточного и западного типов города.

Моделируя «свой» Восток через код восточного города, Дина Рубина деконструирует ориенталистский дискурс, традиционно выступавший сферой его репрезентации. Так, дискурс травелога, в рамках которого и формировался в первую очередь образ Израиля, предполагал единую логику описания восточных городов. Как правило, восточный город характеризовался как шумный, грязный, многолюдный, с узкими улицами; показательным в данном отношении является описание Агры, данное англичанином У. Финчом: «Большой город и такой многолюдный, что невозможно пройти по узким и грязным улицам» [8, с. 58]. Между тем образ восточного города, складывавшийся внутри ориенталистского дискурса, не был синонимичен коду восточного города и представлял собой предельно утрированный, схематичный конструкт, в равной степени подходящий для описания любого восточного города.

Актуализация взгляда Чужого предполагала, как правило, исключительно внешнюю характеристику и давала скорее оценку, нежели собственно описание, формируя отрицательную модель города на фоне западного/европейского эталона. Восточный город в ориенталистском дискурсе представлял собой своего рода «антигород», лишённый привычных для европейца удобств: «Образ восточного города рождался в процессе взаимодействия с личными представлениями путешественника, поскольку, останавливаясь в очередном городе на своём пути, англичанин не столько давал его описание, сколько выражал своё отношение к организации городского пространства: комфортности жилищ, качеству улиц, степени безопасности проживания, наличию “хорошей” воды и т. д.» [7, с. 58]. Англичанин В. Диксон в 1864 г. так описывал Иерусалим: «В Иерусалиме, как и в любом восточном городе, нет улиц в европейском смысле этого слова. <...> Восточный город состоит из торговых палаток и жилых кварталов, поэтому даже когда он разрастается до гигантских размеров, как Каир или Стамбул, он всё равно остаётся не чем иным, как каменным лагерьем с запутанными ходами. В городе есть кварталы, но нет открытых, пересекающих друг друга дорог, которые мы называем улицами» (цит. по [9]).

Для Дины Рубиной с её взглядом Своего Иерусалим – это прежде всего город с доминирующей «домашностью», определяющей своеобразие городского хронотопа и его обитателей и реабилитирующей его негативные составляющие (связанные, как правило, со своеобразием планировки восточного городского пространства), когда теснота оценивается не как просчёт городской планировки, а именно как «домашность»: «Встречая полузабытых людей, Леон говорил себе, что это в порядке вещей: когда без дела болтаешься по городу, да ещё по такому

Входишь и попадаешь в маленькую комнату» (Б.Г.К., с. 220)), одного из самых известных центров торговли дамасского шёлка, скрывает «пронзительный блеск дамасского шёлка», по богатству споря с пещерой сокровищ: «Шали и покрывала, платки и салфетки, тканые золотыми нитями, шитые жемчугами и полудрагоценными камнями» (Б.Г.К., с. 221). «Громада» Мескиты, тесно застроенной старыми домами, оборачивается внутри бесконечной протяжённостью пространства, не имеющей «ни конца, ни начала» (Б.Г.К., с. 480).

тесному и домашнему городу, как Иерусалим, рано или поздно рискуешь столкнуться нос к носу с собственной физиономией» (Р.К., с. 247).

Антиномия восточного и западного городов представлена в творчестве Дины Рубиной контрастной парой *Иерусалим – Москва*. Традиционно определяемый как восточный город (на фоне Санкт-Петербурга) Москва в романе Дины Рубиной «Синдикат» выступает, скорее, западным антиподом восточного Иерусалима в духовном плане. Город-мегаполис «дистанций огромного размера» (С., с. 450), холодный и неудобный, полный китча и официоза, бесцельной суеты, с редкими островками сохранившейся старины, он полностью противопоставлен домашне-фамильярному, солнечному, лениво-непешному, задумчиво-медитативному Иерусалиму с его базарами, азартным торгом, ароматами специй, с его бесчисленными знаками прошлого, органично вписанными в настоящее. Материальным же антиподом восточного города может быть назван Майами. Будучи эпизодическим топосом в «Белой голубке Кордовы», он демонстрирует в высшей степени рациональную, геометрически выверенную топографию (Б.Г.К., с. 225), противостоящую «беспорядочному» порядку улочек восточного города. Цифровые обозначения улиц (167-я, 163-я) при этом контрастно соотносимы с поэзией восточных годемов: «Очи, возведённые к небесам», «Яхонтовая площадь», «Виноградная лоза», «Дорога в Иудейской пустыне» и др. (В.С., с. 507).

Таким образом, поздний этап формирования нациошафта¹¹ в прозе Дины Рубиной предполагает выстраивание репрезентативного образа Израиля, сохраняющего бинарный характер и актуализирующего западную или восточную доминанту в зависимости от объекта сопоставления, и решение проблемы национальной ментальности, реализуемой через противостояние «своего» и «чужого» Востока.

Summary

D.D. Ziyatdinova. The Concept of the East in the Works by Dina Rubina.

The paper analyzes the concept of the *East* in Dina Rubina's post-Russian prose within the context of the problem of constructing a representative image of Israel. Being variously implemented in the author's works, the concept of the *East* splits into two microconcepts: the *Arab* and *Jewish East*. The orientalist discourse becomes the representational sphere of the "foreign" *East*, whereas the "domestic" *East* is formed primarily through the discourse of everyday life.

Keywords: Dina Rubina, West, East, Israel, concept, representative image of Israel, Domestic, Foreign.

Источники

В.И.М. – Рубина Д. Вот идёт Мессия! // Рубина Д. Полн. собр. романов в одном томе. – М.: Эксмо, 2012. – С. 7–268.

Р.К. – Рубина Д. Русская канарейка. Голос. – М.: Эксмо, 2014. – 512 с.

Б.Г.К. – Рубина Д. Белая голубка Кордовы. – М.: Эксмо, 2011. – 544 с.

П.Л. – Рубина Д. Почерк Леонардо. – М.: Эксмо, 2012. – 464 с.

¹¹ термин предложен М.Ю. Тимофеевым и связан с представлением о «символическом национальном физическом пространстве» [10].

- В.М.Т. – *Рубина Д.* Воскресная месса в Толедо // Рубина Д. Полн. собр. повестей в одном томе. – М.: Эксмо, 2011. – С. 445–485.
- С. – *Рубина Д.* Синдикат // Рубина Д. Полн. собр. романов в одном томе. – М.: Эксмо, 2012. – С. 409–792.
- В.С. – *Рубина Д.* Время соловья // Рубина Д. Полн. собр. рассказов в одном томе. – М.: Эксмо, 2011. – С. 505–517.

Литература

1. Маски милитаризма: форпост цивилизации // Библиотека Якова Кротова. – URL: http://krotov.info/yakov/history/20_moi/1999_izr_forpost.htm, свободный.
2. *Каценельсон М.* Прогулки по Иерусалиму. – URL: http://modernlib.ru/books/kacenselson_mihail/progulki_po_ierusalimu/read, свободный.
3. *Кавасми Б.А.* Особенности государственного устройства и политико-правовой системы в Израиле и Палестинской автономии // Учён. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер. Государство и право. – 2009. – № 6. – С. 11–18.
4. *Озик С.* Постсионизм и проблема выживания. Может ли сохраниться Государство Израиль, отказавшись от собственного национального своеобразия? // Вести. – 2003. – 3 июля. – URL: <http://hedir.openu.ac.il/kurs/politic/nation.html>, свободный.
5. Агасси Иосеф // Электронная еврейская энциклопедия. – URL: <http://www.eleven.co.il/article/10063>, свободный.
6. *Попова М.К.* Национальная идентичность и её отражение в художественном сознании. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. – 170 с.
7. *Кантерева Т.П.* Эль Греко. – М.: Галарт, 2008. – 216 с.
8. *Королёва О.В.* Образ и место восточного города на страницах записок английских путешественников в конце XVI – первой трети XVII века // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Ист. Междунар. отношения. – 2011. – Т. 11., Вып. 2, ч. 2. – С. 56–63.
9. *Воробьёва М.* Улицы прошлого // Guide21. – URL: http://guide21.co.il/Article_JER_Streets.html, свободный.
10. *Тимофеев М.Ю.* Концепт *болото* в символическом пространстве нации. – URL: <http://timland.narod.ru/nation/boloto.htm>, свободный.

Поступила в редакцию
09.12.14

Зиятдинова Диана Дамировна – соискатель кафедры русской литературы и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: diana-ziyatdinova@yandex.ru